

of Belarus on marriage and family, as well as the framework law on principles and rights at motherhood.

УДК 94 (476) «18/19»

А. Д. Кузьмин

ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (на примере семей чиновников белорусских губерний)

В статье рассматриваются причины и способы расторжения брака во второй половине XIX – начале XX вв. На примере бракоразводных дел чиновников белорусских губерний показана вся сложность этой процедуры из-за наличия множества юридических формальностей. Представлены данные о количестве вдовых чиновников по разным возрастным группам. Установлено, что в рассматриваемый период вопросы заключения и расторжения брака были в юрисдикции духовных судов. Церковь всегда отрицательно относилась к разводам и всячески препятствовала распаду даже самых неблагополучных семей. Кроме того, развод требовал уплаты значительных исковых пошлин и не каждый чиновник, недовольный супружеской жизнью, мог позволить себе такие расходы. Сделан вывод о существовании в среде чиновников особой модели брачного поведения.

Согласно церковному и гражданскому праву Российской империи естественной причиной прекращения брачного состояния являлась только смерть одного из супругов.

По данным формулярных списков за 1864–1876 гг. доля вдовых чиновников составляла около 4 % от общего числа чиновников и канцелярских служащих белорусских губерний. Однако выявить реальный уровень вдовства в чиновничьей среде достаточно проблематично, поскольку формулярные списки содержат сведения о служащих чиновниках и не учитывают чиновников в отставке. Поэтому можно предположить, что в действительности доля вдовых была значительно выше.

Чиновник мог стать вдовцом в довольно раннем возрасте. Случалось, чиновничья жена умирала при первых родах, т. е. примерно через год после свадьбы. Если учесть, что на протяжении изучаемого периода брачный возраст варьировался от 21 до 30 лет, то чиновник мог овдоветь к 26–30 годам. В более старших возрастных группах доля вдовцов увеличивалась. В 60–70-х гг. XIX в. среди чиновников 41–45 лет вдовых насчитывалось около 7 %, 51–55 лет – 9,1 % [1–7]. Потеря супруга сопровождалась не только тяжелыми переживаниями, но и множеством трудностей. Во-первых, проблематичным было ведение хозяйства без женщины и воспитание детей без матери, во-вторых, к вдовцам недоброжелательно относилась общественность. Под влиянием семейно-

бытовых трудностей и общественного мнения вдовцы стремились к вступлению в новый брак.

Закон допускал возможность расторжения брака. Брак признавался действительным по строго определенным основаниям: при нарушении условий вступления в брак, по причине доказанного прелюбодеяния, неспособности к брачному сожителству, смерть или безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет, вступление одного из супругов в монашество, лишение одного из супругов гражданских прав. Для лютеран дополнительными основаниями развода были сумасшествие, заразная болезнь, развратная жизнь. У католиков брак считался принципиально нерасторжимым. У мужчин-мусульман препятствий к разводу не существовало, развод же для женщин был невозможен. Но даже эти основания были ограничены церковью настолько, насколько это было возможно. При изучении материалов Минской, Могилевской и Полоцкой Духовных консисторий были обнаружены единичные случаи обращения чиновников либо их жен за разводом.

В 1867 г. Борисовский уездный исправник И.Н. Писарев обратился к епархиальному начальству с просьбой о расторжении брака с женою Марией Александровою из Куликовых из-за прелюбодеяния последней. Заявитель писал в своем прошении: «17 апреля 1857 г. вступил в законный брак с дочерью коллежского асессора девицею М.А. Куликовой, и прожив с ней 10 лет, имею от нее двух дочерей 9-ти и 4-х лет, которые ныне состоят при мне. 4 мая 1867 г. моя жена, вступив в преступную связь с поручиком К.Э. Кирхоглани, без всякого с моей стороны повода, чему могут служить доказательством прилагаемые письма жены, оставила мой дом и уехала в местечко Койданово Минского уезда, где публично жила с ним. В настоящее время ее местонахождение мне не известно. Будучи оскорблен в достоинстве супруга и имея в виду, что незаконно прижитые женою моею с поручиком дети будут неправильно носить мою фамилию и могут в ущерб законным дочерям моим предъявлять права свои на оставшееся после моей смерти наследство всеподданнейше прошу расторгнуть брак мой с М.А. Куликовой, запретив ей носить мою фамилию и разрешить мне как невинному в этом прелюбодеянии вступить в новый брак». Однако Минская Духовная консистория не удовлетворила это прошение, так как И.Н. Писарев не сообщил точное место жительства жены [8].

Согласно законодательству главными доказательствами прелюбодеяния обвиняемого супруга являлись показания двух или трех свидетелей и «прижитие» внебрачных детей. Чистосердечное признание виновника в счет не принималось.

В 1914–1915 гг. Могилевская Духовная консистория рассматривала бракоразводное дело на основании доказанного прелюбодеяния. 3 июля 1914 г. истец Ф.И. Беккаревич подала прошение в консисторию с просьбой о расторжении брака с ее мужем, чиновником Могилевского отделения Крестьянского поземельного банка, губернским секретарем И.В. Беккаревичем. К данному про-

шению были приложены: 1) метрика о браке, 2) копия самого прошения, 3) квитанция Могилевского казначейства об уплате 1 руб. 80 коп. исковых пошлин, 4) 2 руб. 25 коп. гербового сбора. Из представленной истицею метрической выписки о браке было видно, что супруги Беккаревич 27 и 20 лет, православные и первобрачные, повенчаны причтом Могилевского кафедрального собора 28 октября 1912 г.

В виду несостоявшегося между супругами примирения, по постановлению епархиального начальства они были вызваны в Присутствие консистории на судоговорение 5 сентября 1914 г., на котором дали свои показания. Истица, что примириться и жить с мужем не желает, обвиняет его в прелюбодеянии с посторонними женщинами, но указать, с кем именно, не может. В доказательство измены мужа просит допросить свидетелей: чиновника Могилевского губернского правления В.С. Россовского, фельдшера губернской земской больницы В.И. Сепежинского и отчима ее Ф.И. Покладу. Ответчик заявил, что примириться и жить с женой не желает, виновным себя в прелюбодеянии с посторонними женщинами признает, но указать, с кем именно, не хочет.

Указанные истицею свидетели В.С. Россовский и Ф.И. Поклад показали, что в июне месяце 1914 г. они вместе с Иосифом Беккаревичем находились в ресторане «Роскошь» в отдельной комнате. Через некоторое время к ним в номер зашла какая-то женщина; кто ее пригласил, они не помнят. Женщина эта, по их мнению, была проституткой. Побыв в номере, где они с ней выпивали и закусывали, свидетели отлучились в биллиардную комнату. Возвратясь обратно в номер, они застали Беккаревича совершавшим акт полового совокупления с находившейся в номере женщиной. Дверь комнаты была закрыта, но не заперта на ключ.

Фельдшер В.И. Сепежинский показал под присягой, что супруги Беккаревич после брака жили недолго, а потом из-за разладов разошлись. Он неоднократно слышал от посторонних лиц, что ответчик нарушает супружескую верность, и хотя сам не был очевидцем акта прелюбодеяния, уверен, что Беккаревич несомненно нарушал и нарушает супружескую верность.

Решением епархиального начальства от 21–26 января 1915 г. за № 18 постановлено: «Брак Филониллы Иосифовны с мужем чиновником И.В. Беккаревичем, заключенный 28 октября 1912 г., по нарушению последним святости оного прелюбодеянием, согласно просьбе истца расторгнуть и разрешить Филонилле вступить в новый брак, а И. Беккаревича, как лицо виновное, подвергнуть 7 летней епитимьи, по выполнении которой разрешить и ему вступить в новое супружество». Данное решение было утверждено 18 августа 1915 г. Святейшим Правительствующим Синодом и вступило в законную силу [9].

Таким образом, двое свидетелей стали очевидцами акта прелюбодеяния. Кстати, третьим свидетелем супружеской измены должен был выступить служащий в конторе Могилевской губернской больницы Тимофей Васильев. Однако его призвали на фронт и вместо него истице пришлось пригласить фельд-

щера В.И. Сепежинского, который непосредственным свидетелем измены не являлся. Вместе с тем, обстоятельства дела наводят на мысль о заранее спланированной пикантной ситуации. Во-первых, число друзей было именно тем, которое требовалось законом для доказательства очевидности прелюбодеяния. Во-вторых, супруги сами хотели расторгнуть свой брак, о чем говорят их отказ от примирения и признание Иосифом Беккаревичем своей вины. Вся процедура по расторжению брака заняла, как мы видим, более года.

В 1909 г. Могилевской Духовной консисторией рассматривалось дело о разводе канцелярского служителя Могилево-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ Е.Ф. Пастушенко с мещанкой В.Г. Швем. Е.Ф. Пастушенко писал в своем прошении: « в виду того, что жена моя оставила совместное жительство со мной под влиянием своей матери, склонявшей меня принять католичество и, кроме того, по собственному признанию жены, она еще до вступления в брак предавалась в течение четырех с половиной лет девическому пороку, результатом чего явилось болезненное раздражение у нее половой сферы, я в настоящее время не нахожу возможным продолжать с ней совместную жизнь. Покорнейше прошу Ваше Преосвященство, не признаете ли Вы возможным в виду нежелания моего перейти в католичество, расторгнуть брак» [10]. Конечно же, Духовная консистория отклонила просьбу Пастушенко из-за отсутствия законных причин к расторжению брака.

Во второй половине XIX в. бракоразводная процедура сопрягалась с множеством нюансов, делавших развод недостижимой целью. Развод был относительно дорогостоящим процессом для людей со скромным достатком. Официальные документы требовали уплаты исковых пошлин в размере 4 руб. 83 коп. Это было довольно солидной суммой и не каждый потенциальный истец, недовольный своими супружескими отношениями, мог позволить себе подобные затраты.

Однако, кроме формального развода, который было очень сложно получить, существовали «самовольные разводы», которые церковью не санкционировались. Дать им количественную оценку невозможно, поскольку они не регистрировались, но можно предположить, что их число значительно превышало число разводов. Неформальный развод представлял собой раздельное проживание супругов, однако по закону мужа продолжали нести бремя ответственности за свою семью, в первую очередь, материальную.

В 1869 г. помещица Теофилия Мейштович обратилась к архиепископу Минскому Александру с жалобой на мужа, коллежского асессора Адольфа Мейштовича, который вел аморальный образ жизни с минской мещанкой Марией. Доведенная до отчаяния женщина писала: «Муж мой, А. Мейштович прожив со мной 30 лет и дождалшись внуков, забыв про меня и детей своих, предался блудной жизни с выкrestкой Марией, мещанкою города Минска православного исповедания, с которой раньше проживал в городе, а потом, лишив меня средств к жизни и оставив на произвол судьбы, съехал вместе с ней в име-

ние Улесе Борисовского уезда. О расторжении блудной жизни моего мужа с упомянутой мещанкой я обращалась в Минскую римско-католическую духовную консисторию, однако местный ксендз, действуя в угоду моему мужу, сообщил, что Мария является ключницей, и поэтому консистория оставила мое прошение без удовлетворения». Минская духовная консистория приказала священнику Березинской Свято-Духовской церкви выяснить, находится ли в данном имении выкрестка Мария, исполняет ли она обязанности по правилам христианской церкви и не подозревается ли она в дурном поведении. 4 мая 1869 г. священник сообщил в консисторию, что явных улик о блудной жизни мещанки Марии нет [11]. Вопрос о самовольном раздельном проживании супругов оставался открытым.

Таким образом, процесс формирования чиновничьей семьи во второй половине XIX – начале XX вв. регламентировался светским и церковным правом. Условия заключения и расторжения брака попадали под церковную юрисдикцию и отличались крайним консерватизмом. Убежденность церкви в неразрывности брачных уз препятствовала распаду даже самых неблагополучных семей.

Список основных источников

1. Формулярные списки о службе чиновников Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 940, 966, 1006, 1034, 1035, 1048, 1050, 1063, 2144.
2. Формулярные списки о службе чиновников Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 299. – Оп. 7. – Д. 226, 227, 235, 236, 238, 242, 254, 255, 265, 281–283, 293–296, 302–307, 312–315, 403, 404, 416, 419.
3. Формулярные списки о службе чиновников Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 13096, 13099, 15042, 15248, 15255, 15511, 15512, 22784, 23057, 24960, 25219.
4. Формулярные списки о службе чиновников Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2. – Оп. 37. – Д. 2305, 2306, 2308.
5. Формулярные списки о службе чиновников Витебского губернского правления // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 16406.
6. Формулярные списки и ведомости о служащих в Могилевской губернии по ведомству МВД, представленных для рассмотрения к награде // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1369.
7. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления за 1914 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675.
8. Дело по прошению Борисовского уездного исправника И. Писарева о разводе в связи с аморальным образом жизни жены // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31871.
9. Дело о разводе бухгалтера Могилевского отделения Крестьянского поземельного банка И.В. Беккаревича с женой, урожденной И.Ф. Батуриной // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 682.

10. Дело о разводе канцелярского служащего Могилево-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ Е.Ф. Пастушенко с мещанкой В.Г. Швем // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 214.

11. Дело о ведении аморального образа жизни коллежским ассессором А. Мейштовичем с минской мещанкой Марией // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32836.

The paper studies reasons and ways of marital breakup in the 2nd half of the XIX century – early XX century. All the complexity of a divorce procedure because of the large number of legal technicalities is shown on the examples of Belarusian official divorce cases. The article provides the data on the number of the widowed officials divided into different age groups. It is found that in the period stated in review matters of marriage and divorce are under the jurisdiction of religious courts. The Church has always negative attitude to divorce and in every possible way prevented even the most disadvantaged families from breaking up. Besides, the divorce procedure requires payment of substantial claims fees and not every official, unhappy with their married life, could afford such expenses. It is concluded about the existence a special model of mating behavior among officials.

УДК 338

И. А. Луговая, С. Л. Комарова

МАРКЕТИНГОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В настоящее время маркетинг в жилищном строительстве в Беларуси практически не используется. Активизировать деятельность строительной организации можно, применяя маркетинговые подходы в работе с клиентами как постоянными, так и новыми. Государство влияет на рынок достаточно серьезно, но и сами строительные организации могут, используя комплекс маркетинга, влиять на рыночную ситуацию. Учет потребностей заказчика является определяющим условием при принятии решений по маркетингу. Возможности превзойти конкурентов в значительной степени будут повышаться у тех домостроительных предприятий, которые применяют принципы и методы современного маркетинга.

Современная экономическая ситуация характеризуется высокой степенью непредсказуемости.

Маркетинговая деятельность подрядного строительного предприятия характеризуется пассивным подходом. Предпочтение отдается работе с постоянным, сложившимся кругом заказчиков (генподрядчиков), желательно крупных. И это, конечно, правильно, но в связи с изменениями на рынке строительства жилья необходимо постоянно отслеживать появляющиеся новые тенденции.

Оценивая государственную инвестиционную программу на 2015 год, можно увидеть, что она урезана на 40 % по сравнению с прошлогодним уровнем.